

Стал ли Горбачев социал-демократом в период пребывания на посту Генерального секретаря?

АРЧИ БРАУН

Резюме

На посту Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачев прошел путь в развитии своих взглядов от реформатора коммунистического склада до социалиста социал-демократического толка. Важнейшие программные документы КПСС периода 1990—1991 гг., на разработку которых Горбачев оказал решающее влияние, были по своей сути социал-демократическими. (Многие в партийном аппарате не имели никакого желания их реализовывать.) Начиная с 1988 года Горбачев выступал за коренное изменение советской системы, хотя в его публичных высказываниях наблюдаются метания, обусловленные давлением момента. Сталкиваясь с недостатком понимания внутри страны и за ее пределами, социал-демократические идеи Горбачева оказались «обойдены по флангам» рыночным фундаментализмом и политическим нетерпением его радикальных оппонентов и подорваны непримиримой враждебностью консервативных защитников уходящего в прошлое коммунистического партийного государства.

На момент избрания Михаила Горбачева на пост Генерального секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза (ЦК КПСС) 11 марта 1985 г. он был единственным членом Политбюро реформаторского склада. Едва ли удивителен в этом контексте тот факт, что выбор пал на Горбачева не потому что тот был реформатором. Во-первых, если не считать важное выступление Горбачева на конференции по идеологии в декабре 1984 года (Горбачев 1984), он не высказывал на публике свои более радикальные мысли, хотя делился своим разочарованием существующим положением вещей в частных

разговорах с Эдуардом Шеварднадзе (Шеварднадзе 1991, стр. 23—26, 37; 2009, стр. 71—72) и Александром Яковлевым (Яковлев 2003, стр. 359—72). Во-вторых, после трех подряд генсеков преклонного возраста и слабого здоровья даже геронтократическое Политбюро можно было убедить в необходимости избрания на этот пост наиболее молодого и энергичного из членов высшего руководства, в особенности с учетом того, что у наименее довольных им не было своей убедительной альтернативной кандидатуры. В-третьих, сфера ответственности и полномочия Горбачева были значительно расширены Юрием Андроповым в период его 15-месячного пребывания на посту Генерального секретаря — с ноября 1982 года по февраль 1984 года. Таким образом, Горбачев, являясь Вторым секретарем ЦК, был явным преемником Константина Черненко, когда после смерти Андропова тот получил высший пост в руководстве, хотя оппоненты Горбачева в Политбюро не спешили признавать его в качестве второго по влиятельности человека в партийной иерархии. Однако к концу 1984 года это положение Горбачева уже хорошо закрепилось, и он председательствовал на заседаниях (а также Секретариата ЦК — более привычная работа для Второго секретаря), когда Черненко не мог принимать в них участие по состоянию здоровья. Таким образом, Горбачев имел возможности перехватить инициативу со смертью Черненко 10 марта 1985 г. В тот же вечер он созвал и провел заседание Политбюро и был избран председателем комиссии по организации похорон своего предшественника. На следующий день он был единогласно избран Генеральным секретарем — сначала членами Политбюро и сразу после этого — Центральным Комитетом. Это стало самой быстрой передачей партийного руководства за всю советскую историю.

По своему характеру Горбачев был скорее реформатором, чем революционером, и в 1985 году он твердо верил в то, что советская система была, на самом деле, реформируема. В своем выступлении в декабре 1984 года он поднял проблемы экономической реформы (хотя он тогда и не использовал все еще

находившееся под запретом слово «реформа»), говоря о необходимости «серьезных научных рекомендаций в части применения в нынешних условиях таких экономических рычагов, как цена, себестоимость, прибыль, кредит и некоторые другие». Он подверг критике обществоведов, которые не могут расстаться с «устаревшими представлениями и стереотипами» и подгоняют свои изыскания «под предвзятые схемы», что заставляет их «вращаться в кругу схоластических рассуждений». Он также выступил за большее самоуправление и раскритиковал чрезмерную централизацию в рамках советской системы (Горбачев 1984, стр. 11, 14—17). Горбачев, будучи Вторым секретарем ЦК и наиболее вероятным преемником Черненко, чье здоровье ухудшалось, даже не побоялся оказать открытое неповиновение партийному лидеру. Когда Генеральный секретарь по наущению своего окружения и отличавшегося консервативными взглядами главного редактора журнала «Коммунист» Ричарда Косолапова позвонил Горбачеву накануне декабрьской конференции с просьбой отложить ее или, при отсутствии такой возможности, по крайней мере, изъять из своей речи те фрагменты, которые Черненко (и в особенности его советники, стремившиеся положить конец дальнейшему росту молодого партийного лидера в партийной иерархии) нашел предосудительными, Горбачев наотрез отказался (Горбачев 1995, том 1, стр. 254; Яковлев 2003, стр. 369; Медведев 1994, стр. 22 — 23).

Когда Горбачев был первый раз избран Генеральным секретарем, он смог утвердить свою власть в нескольких областях, используя свои полномочия по назначению на должности. Особенно важными переменами на начальном этапе были назначение Яковлева заведующим Отделом пропаганды Центрального Комитета и выбор Шеварднадзе в качестве преемника Громыко в должности министра иностранных дел. Громыко очень хотел получить пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР и, таким образом, номинального главы государства. Однако при этом он ожидал, что его сменил один из

собственных протееже в МИДе, что, тем самым, позволило бы ему сохранить значительное влияние на внешнюю политику. Горбачев же выбрал Шеварднадзе именно потому, что хотел начать все заново в этой сфере и самому играть решающую роль. С Шеварднадзе его связывали не только хорошие отношения, но и отсутствие предыдущего опыта участия во внешнеполитических процессах он рассматривал как преимущество. Сам Шеварднадзе, который отзывался о Горбачеве как о «политике европейского склада», также был, безусловно, прав, считая, что новому руководителю на этом посту нужен был кто-то, обладающий качествами «не столько дипломата, как политика» (Шеварднадзе 2009, стр. 70—72). У Громыко практически не оставалось выбора кроме как согласиться с предложением Горбачева — несмотря на свои опасения. Это назначение стало неожиданностью для всех, в том числе для руководства Международного отдела Центрального Комитета. Заместитель его главы Анатолий Черняев, который с февраля 1986 года станет старшим советником Горбачева по внешней политике, писал в своем дневнике: «Даже для нас, аппаратчиков, это стало полной неожиданностью» (Черняев 2008, стр. 637). На том же заседании Политбюро, где Горбачев заручился единодушным согласием своих удивленных коллег на переезд Шеварднадзе из Грузии в Москву на смену Громыко в качестве министра иностранных дел, он не встретил и никакого сопротивления своему предложению по повышению Шеварднадзе с кандидата в члены Политбюро до члена этого руководящего органа.

Горбачев и «сталинизм»

Следует, однако, отметить два момента, относящихся к роли Горбачева в период 1985—1986 гг.: во-первых, его идеи в те годы не представляли собой столь радикального отхода от прошлого, как впоследствии; и, во-вторых, в 1985—1986 он чувствовал себя в большей мере скованным взглядами своих коллег по Политбюро и нормами советской системы, чем это имело место к 1988 году. В интервью газете «Юманите» в начале февраля 1986 года Горбачев

назвал «сталинизм» «понятием, выдуманным врагами коммунизма и широко используемым для клеветы на СССР и социализм в целом» (Горбачев 1986а, стр. 162). Это позволило некоторым склонным к поспешным выводам и плохо осведомленным наблюдателям назвать Горбачева сталинистом. Ничто не могло быть дальше от истины. В то время Генеральный секретарь просто придерживался в отношении сталинизма линии, утверждавшейся на протяжении всего периода после ухода Хрущева. Глубоко внутри Горбачев думал совершенно иначе. Еще в июне 1979 года близкий друг Горбачева Зденек Млынарж, основной автор нацеленной на реформы Программы действий Коммунистической партии Чехословакия 1968 года, охарактеризовал его в частном разговоре как «человека широких взглядов, умного и анти-сталиниста по убеждениям». Оба деда Горбачева в разное время подвергались арестам в период 1930 гг., и после XX съезда партии у него не было сомнений в виновности Сталина в массовых репрессиях. Как и другим советским реформаторам, ему, однако, потребовалось больше времени, чтобы осознать, что самая главная проблема крылась в самой системе, позволившей Сталину остаться безнаказанным за массовые убийства. Радикально менять нужно было саму коммунистическую систему.

Когда к 1987 году Горбачев стал более независим от своих коллег по Политбюро и заменил часть «балласта» в составе высшего руководства, он уже без колебаний сам использовал слова «сталинизм» и «сталинист». Так, в состоявшемся в декабре 1987 года на базе ВВС Великобритании Брайз Нортон (во время промежуточной остановки по пути на саммит в Вашингтоне с президентом Рональдом Рейганом) поразительно откровенном разговоре с британским премьер-министром Маргарет Тэтчер Горбачев сказал следующее: «суть заключается в том, что до настоящего времени у нас не было возможности выйти за рамки сталинистской системы административного управления» (Горбачев и Тэтчер 1987, стр. 3). Это было одновременно и неодобрительным отзывом о существующей советской системе спустя менее трех лет после вступления Горбачева в должность

Генерального секретаря и четким обозначением своего намерения выйти за эти рамки и начать политические перемены качественного уровня. В том же году в своем дневнике Анатолий Черняев сделал запись о том, что Горбачев «готовится далеко уйти от того социализма, что у нас был и есть», хотя руководитель СССР чувствительно (слишком чувствительно, по мнению Черняева) относился к опасениям других относительно «очернения» прошлого.

Слово «реформа» Горбачев реабилитировал задолго до этого. На XXVII съезде КПСС, в феврале 1986 года, спустя менее год после принятия руководства партией, он говорил о необходимости «радикальной реформы» экономики (Горбачев 1986b, стр. 212). Однако уже в скором времени Горбачев стал делать больший акцент на политической реформе, частично вследствие своей убежденности в том, что экономическая реформа без таких политических перемен будет пробуксовывать (как это произошло с весьма скромной реформой Косыгина 1965 года), но также — и во все большей степени — и потому, что ценил еще выше политическую реформу саму по себе. Таким образом, вовсе не случайным было то, что из двух пленумов Центрального Комитета 1987 года, твердо поставивших реформу в повестку дня, более ранний, январский, пленум был посвящен политической реформе, а экономике — второй, июньский. Более того, на январском пленуме было согласовано проведение в 1988 году специальной Всесоюзной партийной конференции, второго по важности после съезда мероприятия в иерархии коммунистической партии, с целью рассмотрения путей «дальнейшей демократизации жизни партии и общества в целом» (Горбачев 1987a, стр. 354).

Эволюция взглядов, а не «одномоментное прозрение»

Первые предварительные признаки разрыва Горбачева с традиционными представлениями КПСС о социалистах некоммунистического толка появились на достаточно ранних этапах эпохи перестройки. В феврале 1986 года, в своем

докладе XXVII съезду КПСС он призвал к пересмотру партийных отношений с социал-демократией. В то время он по-прежнему характеризовал разногласия между двумя движениями как «глубокие», однако отмечал, что дальнейшее ознакомление с позициями друг друга было бы «несомненно, полезным как для коммунистов, так и для социал-демократов» (Горбачев 1986b, стр. 255). Это было особенно верно в контексте внешних отношений и необходимости создания «всеобъемлющей системы международной безопасности» (Горбачев 1986b, стр. 256). В кулуарах не менее обнадеживающими в отношении такого типа перемены в идеологии и политической инициативы стали новые директивы высшего руководства партии. Первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС Карен Брутенц отмечал, что с начала перестройки был сделан новый упор на отношениях с социал-демократами. Брутенц писал, что, со своей стороны, западноевропейские социал-демократические партии осознавали («после событий 1968 года в Чехословакии»), что путь к переменам в Центральной и Восточной Европе лежит через Москву (Брутенц 1998, стр. 157). В развитие этой мысли он пишет:

«С нашей стороны присутствовал ярко выраженный интерес к практическому опыту социал-демократии — их политике во власти, направленности рыночной экономики и курса на укрепление и расширение демократических свобод. . . . М. С. Горбачев и его соратники стремились непредвзято проанализировать практику западных стран в целом и социал-демократии в частности». (Брутенц 1998, стр. 157—58)

Было бы неправильным пытаться определить тот момент, когда Горбачев перестал быть коммунистом и стал социалистом социал-демократического склада, поскольку такого «момента прозрения» никогда не было. Его идеи эволюционировали с годами, и эта эволюция стала особенно быстрой в период второй половины 1980-х гг. В этом отличие Горбачева от Ельцина. Борис Ельцин перестал быть коммунистом одномоментно — когда

впервые увидел американский супермаркет (Колтон 2008, стр. 172—73). Мыслительные процессы Горбачева более сложны. Достижения западного общества потребления сами по себе были недостаточны, чтобы заставить его отказаться от идей, почерпнутых у Маркса и Ленина, с которыми он вырос и над которыми размышлял гораздо более серьезно, чем большинство его современников из числа соотечественников (Млынарж 1985).

Однако в течение трех лет — в период с 1988 по 1990 год — Горбачев перестал быть коммунистом в сколь-либо значимом смысле этого слова. Действительно — и об этом я напишу позже — двухмесячный период с апреля по май 1988 года может рассматриваться как особенно важный поворотный пункт, поскольку именно в эти месяцы, в преддверии XIX партийной конференции, которая прошла в конце июня, Горбачев стал сторонником принципа состязательности выборов и, тем самым, подорвал одну из основ коммунистического правления. В 1989 году в эволюции его политических взглядов наблюдается дальнейшее развитие, и в течение 1990 года он становится полностью убежденным сторонником, в принципе, преимуществ рыночной экономики (хоть и социально ориентированной и регулируемой) в противовес командной экономике. К тому времени его интеллектуальная и политическая трансформация увела его далеко от коммунистической идеологии — к приятию социал-демократии. Тем не менее, Горбачев едва ли мог делать публичные заявления о том, что стал социал-демократом. В конце концов, он был Генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС. Более того, к 1989 году отношение к нему со стороны многих фигур в партийном аппарате, министерской бюрократии и ВПК, становится все более критическим. Более стремительный и менее заметный процесс отхода от коммунистической доктрины, наверняка, привел бы к его смене в качестве руководителя партии. Это, в свою очередь, сильно повысило бы вероятность возврата советской системы к прежнему состоянию.

Горбачев и характерные черты коммунизма

На вопрос, когда и в какой мере Горбачев совершил переход от коммунистических взглядов к социал-демократическим, можно ответить более точно, если мы поясним, что понимаем под коммунизмом. Я уже писал в других статьях, о том, что считаю его шестью определяющими характеристиками, две из которых носят в основном политический, две — в основном экономический, и две — в основном идеологический характер, хотя категории политического, экономического и идеологического, — безусловно, взаимосвязаны (Браун 2009, стр. 101—14). Двумя основными политическими чертами коммунистической системы являлись монополия на власть Коммунистической партии, для которой общим эвфемизмом служило понятие «лидирующая роль партия», и «демократический централизм» — еще один эвфемизм; означавший в реалиях политической жизни наличие жесткой иерархии и строгой дисциплины и отсутствие внутрипартийной демократии. В экономике характерными чертами были командная экономика в противовес рыночной, и государственная собственность на средства производства в отличие от частной и или смешанной. В идеологическом плане коммунистическая система отличалась не только от остальных авторитарных (или тоталитарных) режимов, но также и от стран, руководимых социалистическими партиями демократического типа, двумя чертами: участием в международном коммунистическом движении (которое в случае СССР сопровождалось чувством наличия права руководить этим движением) и стремлением построить коммунизм — бесклассовое, безгосударственное общество будущего. Эта, последняя, цель едва ли имела какую-либо практическую ценность в повседневной политике, но при этом обладала большой важностью в теоретическом плане, служа конечным обоснованием наличия у Коммунистической партии роли авангардной силы.

Каковы были позиции Горбачева по каждой из этих

определяющих черт коммунистической системы — и когда они изменились? Он подготовил почву для отказа от «лидирующей роли» партии и «демократического централизма», проведя соответствующие решения через состоявшуюся в 1988 году XIX партийную конференцию. Организованные в следующем году выборы означали, что от демократического централизма мало чего осталось, если осталось вообще, и поскольку члены партии открыто тянули ее в абсолютно разных направлениях, КПСС более не могла сохранять за собой монополию на власть. В июне 1989 года Горбачев поднял на Политбюро вопрос об изъятии из Конституции СССР положения о лидирующей роли партии, однако лишь в феврале 1990 года, когда спустя два месяца после смерти Андрея Сахарова эта инициатива приобрела эмоциональный импульс, он смог убедить партийное руководство принять эту идею (Браун 2009, стр. 519—20).

К 1988 году Горбачев, утвердив закон «О кооперации в СССР», принял различные формы собственности, хотя почти до конца советской эпохи он не делал разъяснений о том, что многоукладная экономика будет включать значительный частный сектор, а также кооперативные и государственные предприятия. (Более того, он активно выступал против того, как в 1990-х гг. российские природные ресурсы продавались в руки заранее отобранному кругу покупателей.) Что касается рынка, в 1988 году Горбачев не пошел дальше выражения поддержки существованию рыночных элементов в рамках функционирования плановой экономики. Лишь в 1990 году он полностью стал сторонником идеи, что основной регулирующей силой экономической деятельности должен стать рынок, заменив собой командную экономику как институциональную основу советской экономической системы. Тем не менее, Горбачев медлил с обеспечением реализации этой политики. Следует также заметить, что повседневное руководство экономической политикой никогда не входило в круг его обязанностей. Даже когда СССР начал входить в экономический кризис 1990—1991 гг., Горбачев едва ли мог перестать уделять гораздо больше внимания попыткам

сохранить СССР на новой, добровольной основе на фоне растущих дезинтеграционных тенденций. Кроме того, его повестка дня в сфере внешней политики была не менее перегружена, и ее первым пунктом значилось объединение Германии.

Что касается определяющих черт коммунизма в сфере идеологии, Горбачев дал возможность начаться процессу распада международного коммунистического движения, когда в 1988 году — и на XIX партийной конференции, и в своем декабрьском выступлении в ООН — он объявил, что народы всех стран имеют право самостоятельно решать, в какой политической и экономической системе они хотят жить. Когда жители Восточной Европы в 1989 году приняли эти его слова всерьез, он согласился с тем, что это означает конец системы международного коммунизма как организационной структуры (Браун 2009, стр. 522— 48). Поскольку Горбачева больше привлекали идеи его социал-демократических собеседников из Западной Европы, чем убеждения и аргументы коммунистических лидеров Восточной Европы (прагматичный Ярузельский был чем-то вроде исключения), он рисовал себе будущее (которое, однако, не материализовалось), в котором советские реформаторы стали бы частью более широкого и свободного демократического социалистического движения. В действительности, Александр Галкин, ставший в 1987 году проректором по научной работе Института общественных наук (курировавшегося Международным отделом Центрального Комитета), называл перестройку «первой крупной попыткой претворить на практике идею демократического социализма», создав общественную систему, в которой сочетались бы «солидарность и социальная справедливость, с одной стороны, и нерушимые свободы и гарантированные демократические институты и процедуры, с другой» (Галкин 2005, стр. 87). Что касается конечной цели — построения безгосударственного, бесклассового «коммунизма», сомнительно, что Горбачев верил в нее даже в эпоху Хрущева, и к 1988 году это даже не входило ни в какие его отдаленные планы (Браун 2009, стр. 111).

Анализ отношения Горбачева к коммунизму приводит нас к выводу, что он по большей части расстался со своей верой в эту идеологию еще до конца 1980-х гг.; и поскольку этот перелом в убеждениях и чувствах касался наиболее важных элементов политики, с этого времени он скорее социал-демократ по убеждениям, чем коммунист. С принятием принципа рыночной экономики в 1990 году его идеологический переход от коммунистических идей к социалистическим социал-демократического толка был фактически завершен, хотя необходимость политического маневрирования обусловила определенную непоследовательность его публичных высказываний.

Эволюция мышления Горбачева

С каждым годом пребывания на посту Генерального секретаря взгляды Горбачева становились все более радикальными. Этот процесс, в особенности после 1989 года, стимулировался развитием ситуации в обществе в целом, в том числе требованиями большей демократизации, политической подотчетности и республиканского суверенитета, озвучиваемых вновь активизировавшимся и политизированным гражданским обществом. Эти новые общественные силы набрали значительную мощь в результате первых в советской истории состязательных выборов в законодательную власть, способную критиковать власть исполнительную. Однако в течение первых четырех лет перестройки это была, по сути, революция сверху, в значительной мере требующая от Генерального секретаря защиты процесса перемен и его стимулирования (Хан 2002; Браун 2010). Сегодня у нас есть доступ ко многим документам, отражающим внутренние дискуссии в партийном руководстве, в том числе стенограммы заседаний Политбюро, записи разговоров между Горбачевым и его помощниками, а также встречи Горбачева с партийным руководством республиканского и регионального уровней. Они дают достаточно доказательств тому, что даже после

значительного обновления состава высшего руководства, Горбачев на протяжении всего периода пребывания на посту Генерального секретаря оставался более серьезно настроенным реформатором, чем большинство его коллег по Политбюро.

К 1987 году Горбачев становится более радикальным критиком неререформируемости советской системы. Подводящий итог семи десятилетиям существования СССР проект доклада, посвященного 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, который Горбачев прочитал и одобрил прежде чем представить его Политбюро, констатировал, что в СССР построена «авторитарно-бюрократическая модель социализма». Это заявление встретило сопротивление со стороны советского руководства. Тогдашний председатель КГБ СССР Виктор Чебриков, заявил, что это западная формулировка. Горбачев париловал, что Бухарин использовал эти слова раньше, чем кто-либо на Западе. Он, однако, согласился с тем, «модель» лучше заменить словами «методы» или «средства». Формулировка, поддержанная Горбачевым — до момента, когда он посчитал благоразумным частично отступить от нее по тактическим соображениям, — необязательно была уже критикой советской системы с социал-демократических позиций. Это вполне могла быть критика с неоленинских или бухаринских позиций системы в том виде, какой она приняла за весь период развития после Сталина. В 1988 году Горбачев пойдет значительно дальше.

Однако Горбачев разорвал с прошлым в идеологическом плане еще в 1987 году, во многом когда он придал положительную коннотацию концепции плюрализма. Идея «плюрализма» подвергалась постоянным нападкам советских идеологов еще с периода Пражской весны, когда этот термин использовался реформаторами из Коммунистической партии Чехословакии, в впоследствии приобрела дополнительные негативные коннотации для советского руководства, когда ее стали использовать «еврокоммунисты» (а еще позже — в польском движении «Солидарность»). Спустя чуть более двух лет после избрания на пост Генерального секретаря Горбачев стал позитивно

высказываться о «социалистическом плюрализме» (Горбачев 1987b, стр. 2), однако этому воспротивились члены верхушки руководства. Включение слов «социалистический плюрализм» в проект доклада, посвященного 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, отмечавшемуся в 1987 году, подверглось критике на том же заседании Политбюро 15 октября, на котором была раскритикована категоризация советской системы как «авторитарно-бюрократической модели социализма». Гейдар Алиев назвал плюрализм «чужеродной концепцией». Ему вторил Анатолий Лукьянов, недовольно указавший на то, что «социалистический плюрализм» можно трактовать как «плюрализм власти». «Однако», — подчеркнул он, — «мы, коммунисты, партия не будем ни с кем делиться властью». К февралю 1990 года, когда Горбачев предложил исключить из текста Конституции СССР статью, гарантирующую Коммунистической партии «лидирующую роль», он принял принцип «политического плюрализма», таким образом, выйдя далеко за рамки «социалистического плюрализма», некогда беспокоившего его более консервативных коллег. Это был всего лишь один из ряда признаков мыслительной эволюции Горбачева, выведшей его за рамки коммунистической идеологии и приведшей к поддержке социал-демократии.

Первые явные признаки социал-демократизации политической идеологии Горбачева появились в 1988 году в его реакции на «письмо Нины Андреевой» (Андреева 1988). Это «письмо» было попыткой повернуть время вспять — неосталинистской реакцией на перестройку, поддержанной силами внутри аппарата ЦК и первоначально вызвавшей симпатию, как минимум, у половины членов Политбюро, — однако это попытка была отражена, когда Горбачев перешел в контрнаступление, в котором ему особенно помог Александр Яковлев. Осознавая силу консервативной оппозиции реформе, Горбачев не отступил, как многие предсказывали. Вместо этого он воспринял недовольство в рядах бюрократии как свидетельство необходимости ускорить процесс демократизации. Радикализация

политической реформы произошла сразу после разрешения ситуации с письмом Нины Андреевой. Попытка консервативных и реакционных сил внутри компартии сделать «письмо Андреевой» первым шагом в отходе от пути реформирования Горбачева привело к абсолютно противоположному результату. Вместо сигнала к развороту он спровоцировало ускорение политической реформы.

Горбачев находился на борту самолета, по пути в Югославию, когда его помощник Шахназаров показал напечатанную в последнем номере газеты статью Андреевой. Шахназаров быстро пришел к выводу, что материал, опубликованный под именем Андреевой (на основе статьи, написанной ею, но доработанной симпатизирующими консервативными коммунистами из числа журналистов и работников ЦК), был «манифестом антиперестроечных сил», и Горбачев согласился с этим мнением в ходе подробного обсуждения статьи во время пребывания в Югославии. Как отмечал Шахназаров, реакция Горбачева на вызов, брошенный со страниц «Советской России», заключалась в принятии более твердого и решительного курса на радикальную реформу. Таким образом, Андреева и те в аппарате ЦК, кто использовали ее в качестве своего рупора, невольно дали перестройке новый толчок (Шахназаров 1991). В преддверии XIX партийной конференции в близком окружении Горбачева обсуждались и прорабатывались новые институциональные структуры, которые нашли авторитетную поддержку на этом мероприятии, прошедшем в конце июня—начале июля 1988 года.

Хорошо отдавая себе отчет в том, с каким сопротивлением со стороны сил в партийном аппарате, вероятно, столкнется радикальная политическая институциональная реформа, Горбачев в апреле 1988 года провел ряд встреч с партийным руководством республиканского и регионального уровней. Для этих встреч, имевших целью, хотя бы частично, подготовить партийных руководителей к грядущим переменам, они были разделены три отдельные группы. Какие-то из тезисов Горбачева можно было по-

прежнему считать критикой советской системы с неоленинских позиций — а не позиций социал-демократии. Он напомнил региональным партийным руководителям, что при Ленине на партийных съездах шли откровенные, жесткие дискуссии, а Ленин не боялся критики. Однако впоследствии верх взяло партийное чиновничество и «появилась табель о рангах» (Черняев и др. 2008, стр. 344). Только сейчас, по его словам, мы «начинаем понимать всю суть командно-административной системы» (Черняев и др. 2008, стр. 341).

Горбачев несколько идеализированно относился к Ленину и, опираясь на размышления Ленина периода НЭПа в 1920-х гг., видел в нем больше от политического реформатора, чем было на самом деле. Однако более важным является то, что, продолжая уважать Ленина, он отверг — в большей степени, чем сам в то время признавал — суть ленинизма (Браун 2007, стр. 284—94). Косвенно намекая на необходимость проведения состязательных выборов, Горбачев сказал группе региональных партийных руководителей, с которыми он встречался 18 апреля 1988 года, что вопрос «На каком основании 20 миллионов [членов КПСС] правят 200-ми миллионами?» задается не только на Западе. И продолжил: «Мы же сами себе присвоили право управлять народом!» (Черняев и др. 2008, стр. 342). Он высмеял существующий Верховный Совет, в котором зачитываются длинные доклады — в то время депутаты разговаривают или читают газеты. Депутаты не имеют никаких обязанностей — кроме как приехать в столицу, посидеть два дня в зале Дворца съездов, сходить в театр — и домой! (Черняев и др. 2008).

Горбачев также поощрял развитие контактов между членами Международного отдела ЦК, симпатизирующими социал-демократии, и ведущими представителями Социнтерна, организации западноевропейских социалистических партий социал-демократического толка. Он лично принимал ее председателя и бывшего канцлера Германии Вилли Брандта в Москве в мае 1985 года, вскоре после того, как с ним во время его пребывания в Вашингтоне отказался встречаться Рональд Рейган

(Вебер 2005, стр. 116). К первой половине 1988 года в значительной мере был начат новый этап в отношениях между СССР под руководством Горбачева и западноевропейской социал-демократией — впервые за всю историю Социнтерн пригласил представителей КПСС на очередное заседание его совета. На это мероприятие, проходившее в мае в Мадриде, приехали два консультанта из Международного отдела — Александр Вебер, который серьезно занимался изучением социал-демократии и крайне ей симпатизировал, и Александр Злотов. Они обнаружили, что их бывшие идеологические оппоненты ничем не интересуются так, как переменами происходящими в СССР и в советский внешней политике. Среди тех, кто крайне положительно отзывался о перестройке и подчеркивал важность и желательность ее дальнейшего развития, были Вилли Брандт и премьер-министр Испании социалист Фелипе Гонсалес (Вебер 2005, стр. 121—22).

XIX партийная конференция

Первый проект «тезисов» для XIX партийной конференции был подготовлен двумя помощниками Горбачева: Шахназаровым, ставшим в феврале 1988 года его главным советником по политической реформе, и отвечавшим в окружении Горбачева за идеологию Иваном Фроловым (занимавшим в тот период пост главного редактора журнала «Вопросы философии», а в 1986—1987 гг. — журнала «Коммунист»). Не все предложенное ими и принятое Горбачевым было одобрено Политбюро. Оно отвергло, например, идею наделения делегатов конференции полномочиями избрания новых членов Центрального Комитета (Шахназаров 1993, стр. 48). Тезисы были впоследствии переработаны Горбачевым, с участием Шахназарова и Фролова. Именно в этот период — в апреле—мае 1988 года — Горбачев из реформатор существующей системы превратился в сторонника политических перемен трансформационного характера. Осознавая силу консервативной оппозиции, проявившуюся в поддержке

аппаратом «письма Андреевой», он поднимает ставки и проводит много времени, прорабатывая со своим близким окружением контуры новой политической системы (Медведев 1994, стр. 71 — 73; Шахназаров 1993, стр. 48). Сам Горбачев позже назовет свою программную речь перед участниками XIX партийной конференции ни много, ни мало попыткой совершить «мирный, плавный *переход от одной политической системы к другой*» [курсив мой] (Горбачев 1995, том 1, стр. 395). В своем выступлении в Лондоне в 1996 году Горбачев заметил: «До 1988 года я пребывал в плену тех же иллюзий, что и реформаторы до меня. Я верил в то, что система может быть улучшена. В 1988 году я понял, что нам нужна системная реформа. Нужно было менять систему».

В разговоре со своими помощниками в июне 1988 года Горбачев сказал, что в процессе обсуждения с Хансом-Йохеном Фогелем — руководителем Социал-демократической партии Германии, «тезисов», подготовленные для предстоящей конференции, Фогель заметил, что в них присутствует «элемент социал-демократии». Горбачев добавил: «Я не стал ему возражать» (Шахназаров 1988). XIX партийная конференция состоялась менее чем через месяц после визита в Москву президента Рональда Рейгана — это был единственный саммит на российской земле, и «тезисы» были опубликованы буквально накануне его прибытия в СССР. Американским посольством они были направлены по факсу послу Джеку Мэтлоку в Хельсинки, где Рейган сделал остановку по пути в Россию, чтобы не слишком страдать по прибытии от смены часовых поясов. Мэтлок прибыл туда, чтобы провести брифинг для президента в рамках подготовки к обсуждениям с Горбачевым. Когда посол США прочитал текст «тезисов» на русском, он обнаружил нечто неожиданное. «Никогда прежде», — писал Мэтлок, — «я не видел в официальном документе Коммунистической партии такого обширного раздела, посвященного защите прав граждан или упоминания таких принципов, как разделение властей, судебная независимость и презумпция невиновности обвиняемого». В этих

«тезисах» было описано «нечто, более близкое к принципам европейской социал-демократии» (Мэтлок 1995, стр. 122).

По настоянию Горбачева XIX партийная конференция поддержала описанные выше шаги к утверждению верховенства права и принятию целого ряда свобод, подавлявшихся в СССР до начала перестройки. Однако самой важной была перемена, не читавшаяся в «тезисах» явным образом, — решение перейти к системе состязательных выборов в законодательные органы, наделенные реальной властью. Горбачев — в ходе своих встреч с партийным руководством республиканского и регионального уровней и представления «тезисов» членам Политбюро — постепенно готовил и склонял партийный аппарат к принятию грядущих новшеств. Тем не менее, на конференции он откладывал оглашение своих планов по скорейшей реализации этих преобразований в политической системе до самого последнего момента — когда делегаты уже готовились к возвращению домой. Делегатов, по сути, подтолкнули к единогласному голосованию — во многих случаях против их политических убеждений и кажущихся интересов — за выборы нового Съезда народных депутатов СССР до начала апреля 1989 года (КПСС 1988, том 2, стр. 185—86). Этот орган, в свою очередь, должен был создать новые органы государственной власти, которым предстояло много проделать для передачи власти от партийных структур к этим новым создаваемым государственным институтам.

Процесс «социал-демократизации» Горбачева

В этом эссе утверждается не то, что в СССР в годы перестройки — и даже в меньшей степени в постсоветской России — появилась социал-демократия, а то, что Горбачев лично убедился в превосходстве социал-демократической концепции социализма над коммунистической доктриной и системой, при которой он вырос. Это было изначально не сознательным выбором в пользу соперничающей идеологии левых, а постепенным, но при этом

глубоким, поворотом с неоленинских позиций к социализму социал-демократического толка. От стимулирования процесса либерализации системы он перешел к тому, что начал процесс серьезной демократизации, отвергая варианты тоталитарного и авторитарного правления, преобладавшие в СССР в течение 70 лет. Более того, в период с 1989 года и до распада СССР в декабре 1991 года советская система приобрела многие, хотя, безусловно, не все, черты социал-демократии. Это также является важным, поскольку в противном случае мы можем говорить о некоем разрыве между словом и делом, который является слишком знакомой чертой речей и действий российских президентов постсоветского периода. Основные компоненты социал-демократии (наиболее важные из них — просто элементы демократии как таковой) включают: свободу слова, печати и собраний; свободу создавать независимые организации и состоять в них; право голосовать в честно проводимых, состязательных выборах с соблюдением всеобщего избирательного права и тайны голосования; верховенство права; политическую подотчетность; государство всеобщего благосостояния; и экономическую систему, характеризующуюся наличием разных форм собственности (хотя в основном частной), с рыночной экономикой, в отношении которой функции регулирования, налогообложения и надзора осуществляют выборные государственные власти в интересах всего народа в целом (в отличие от либеральной экономики, в которой роль государства минимальна, рыночный капитализм относительно не ограничен, а экономическое неравенство носит чрезвычайно распространенный характер).

Поддержка Горбачевым этих принципов социал-демократии стала проявляться во все нарастающей степени (хотя с разным акцентом на разных принципах) в последние три с половиной года его пребывания на посту Генерального секретаря КПСС. Он стал твердым сторонником идеи верховенства права. Это подразумевало не только отделение партийных структур от государственных институтов, но и также и разъяснение партийной элите, что и она не стоит над законом. Представляя на Политбюро

8 сентября 1988 года свои предложения по реорганизации аппарата ЦК КПСС, в том числе ликвидации почти всех его экономических отделов, Горбачев сказал:

«Реорганизация аппарата связана с формированием правового государства. Вся структура в нашем обществе и государстве должна работать на легитимной основе, т.е. в рамках закона. Никто не имеет права выходить за границы закона, нарушать закон. А самый главный нарушитель, как мне уже не раз приходилось говорить, сидит здесь, за этим столом, — Политбюро, а также Секретариат ЦК». (Черняев и др. 2008, стр. 416)

Подробное описание перемен в советской политической системы выходит за рамки настоящего эссе. Свое основное внимание я сосредоточил на эволюции — качественном скачке — Горбачева от реформатора, действовавшего в рамках коммунистической системы, к социал-демократу. Это подразумевало приятие сначала на практике, а впоследствии в теории, идеи политического плюрализма. Прошедшие в марте 1989 года состязательные выборы народных депутатов СССР не были многопартийными, однако в большинстве избирательных округов выдвигалось несколько кандидатур. Более того, всесоюзные выборы 1989 года депутатов-законодателей нового созыва убедительно показал, что за монолитным фасадом КПСС — люди с самыми разными взглядами. Многие из этих членов партии выступали соперниками, баллотировавшись на абсолютно разных политических платформах, и хотя по итогам выборов многие члены партийного аппарата потерпели поражение, Горбачев был доволен их итогами. В разговоре со своими помощниками он сказал: «Наконец-то теперь у нас есть нормальная политическая структура, нормальная политическая среда, где люди могут спорить, не прибегая при этом к помощи ножей, а продолжая сотрудничать» (Шахназаров 1991). Оптимистичная оценка итогов выборов Горбачева контрастировала с мнением многих старших работников

партийного аппарата, шокированных новой реальностью, означавшей, что их политические карьеры и привилегии могут быть поставлены под угрозу и даже закончиться по воле простых граждан. Выборы еще не были полностью свободными. Треть депутатов избирались не напрямую, а «общественными организациями», в том числе 100 (включая Горбачева) от КПСС. Тем не менее, они представляли собой решающий шаг по пути демократизации, хотя конечный пункт этого пути — фактическая демократия — не был достигнут ни оставшиеся годы перестройки, ни, на самом деле, в постсоветской России.

Представление о Горбачеве как о «непреднамеренном проводнике разрушения самой системы, которую он пытался спасти», выражаясь словами Джеймса Х. Биллингтона, в корне неверно, хотя и нередко. Биллингтон добавил: «Горбачев не хотел избавляться от коммунизма, хотя он привнес столько демократических и открытых методов, что фундаментальное изменение системы стало практически неизбежным» (Биллингтон 2005). Горбачев изначально хотел спасти систему путем ее реформирования и он продолжал попытки спасти союзное государство (в последний период даже не СССР, поскольку к 1991 году он был готов к приятию того, что это будет меньший по масштабу добровольный федеративный союз, возможно даже конфедерация, под другим наименованием, но, тем не менее, своего рода союз). Всегда необходимо помнить решающее различие между системой и государством. С 1988 года Горбачев занимался осознанным процессом системной трансформации.

Занявшийся вестернизацией Генеральный секретарь, особенно увлекшийся идеями социал-демократии (любимыми собеседниками-иностранцами которого были председатель Социнтерна Вилли Брандт и премьер-министр Испании социалист Фелипе Гонсалес (Горбачев 1992, стр. 17 —21; Грачёв 1994, стр. 247)) не привносил непреднамеренно или по рассеянности «столько демократических и открытых методов» — и потом неожиданно для себя обнаружил, что произошло фундаментальное изменение системы. Обсуждая с Брандтом 17 октября 1989 года

ход подготовки к XXVIII съезду КПСС, Горбачев сказал ему, что работает со своими коллегами над более глубоким пониманием процесса, который они воспринимали как возрождение социалистического общества. Пошел процесс улучшения взаимопонимания с социал-демократами, и, возможно, пришло время преодолеть «раскол 1914 года» (Горбачев и Брандт 1992, стр. 25). Годом позднее (27 октября 1990 г.), в разговоре с Фелипе Гонсалесом в Мадриде Горбачев сказал: «Сотрудничество с Испанией для нас особенно важно, поскольку это страна с положительным опытом перехода на другую стадию развития общества. Для нас важен испанский опыт построения демократии и новых форм экономической жизни» (Горбачев 2010а, стр. 454).

Термин «демократический социализм» всегда отвергался коммунистическими руководителями и идеологами, хотя они спокойно говорили о «социалистической демократии», которую, якобы, построили. «Демократический» социализм был понятием из языка социалистов социал-демократического толка, использовавших это определение для проведения различия между собой и недемократическими «социалистами», иначе известными как коммунисты. Поэтому когда Горбачев стал говорить о «демократическом социализме», как это имело место с 1989 года, это было значительным идеологическим новшеством со стороны Генерального секретаря КПСС (Горбачев 1989, стр. 3). Он сам отмечал, что «демократический социализм» имел негативную оценку в СССР, будучи увязанным с «реформизмом и оппортунизмом в социалистическом движении». Эта оценка, однако, уже не имела никакого смысла в период, когда развитие демократии шло рука об руку со строительством правового социалистического государства, и с учетом того, что «демократия и свобода» были «великими ценностями человеческой цивилизации» (Горбачев 1989, стр. 2).

По характеру и убеждениям, Горбачев был сторонником эволюционных, а не революционных методов. Он говорил о достижении «революционных перемен эволюционными методами», и пришел к мнению о том, что «выбор в пользу

революционаризма ведет к хаосу, разрушению и нередко к новой несвободе» (Горбачев и Млынарж 2002, стр. 76). Советское общество, в его представлении, — «весьма сложный объект реформирования» и именно этим объяснялся выбор в пользу эволюционных перемен и неприемлемость «кавалерийских наскоков». Причины неудачи процесса реформ не в том, что «мы встали на путь демократических преобразований», а следствие «рваншизма реакционных сил и революционаризма радикалов» (Горбачев и Млынарж 2002, стр. 70). Острые дебаты, предшествовавшие выборам народных депутатов, и итоги этих выборов дали Горбачев дополнительный толчок в направлении социал-демократии. Вот как он выразил это в разговоре с Млынаржем:

«С 1989 г., после выборов, когда мы увидели, как народ действительно относится к КПСС и к номенклатуре, что он по-настоящему думает и как относится к демократии и к гласности, начался период накопления такого опыта, который приводит к выводу, что нужно выходить на новое понимание социализма. С этого времени меня все больше и больше занимал вопрос о «критериях социалистичности». В качестве главного из них мне представлялось то, каким является положение человека в обществе. С этого момента, можно сказать, я вступил на дорогу по существу социал-демократического понимания социализма». (Горбачев и Млынарж 2002, стр. 79)

Доклад Горбачева, представленный им XXVIII съезду КПСС 2 июля 1990 г., знаменует собой еще один этап его идеологической эволюции. Во вступлении он отмечает:

«На смену сталинской модели социализма приходит гражданское общество свободных людей. Радикально преобразуется политическая система, утверждается подлинная демократия со свободными выборами, многопартийностью, правами человека, возрождается

реальное народовластие. . . . Началось преобразование сверхцентрализованного государства в действительно союзное, основанное на самоопределении и добровольном единении народов. На смену атмосфере идеологического диктата пришли свободомыслие и гласность, информационная открытость общества». (КПСС 1990, стр. С1/1)

После съезда принципы, которые предполагалось положить в основу новой партийной программы, были опубликованы в большом программном заявлении в «Правде», официально утвержденном Горбачевым и озаглавленном «К гуманному, демократическому социализму» (КПСС 1990, стр. 1). В заявлении признавалось, что страна находится в кризисной ситуации, однако утверждалось, что это не кризис идеи социализма, а кризис, истоки которого кроются в тех деформациях социализма, которые претерпели советские граждане. Среди них — «огосударствление» всех аспектов общественной жизни; диктатура; создание новых форм отчуждения людей от собственности и власти; пренебрежительное отношение к культурно-историческим ценностям и интеллектуальному богатству народов; взгляд на мир как на арену непримиримой конфронтации общественных систем (КПСС 1990, стр. 1). Партия, как утверждалось дальше, не сможет осуществлять свою роль в обществе без глубочайшей демократизации внутрипартийных отношений. Она «решительно отвергает демократический централизм в том виде, как он сложился в условиях административно-командной системы, жесткую централизацию» и отстаивает демократические принципы, среди которых — выборность и сменяемость, подчинение меньшинства большинству и право меньшинства отстаивать свои взгляды (КПСС 1990, стр. 3). Как отмечал позже Вадим Медведев, один из основных союзников Горбачева в Политбюро, заявление отличалось как по духу, так и по букве от всех остальных предшествующих партийных документов, будучи написанным в «социал-демократическом» ключе (Медведев 2005, стр. 15).

Горбачев и экономика

Выступление Горбачева на XXVIII съезде КПСС ознаменовало улучшение его отношения к рынку. До 1990 года среди его помощников не было экономистов, но на протяжении всего этого года его экономическим советником выступал Николай Петраков, занимавший в 1965—1989 гг. пост заместителя директора Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ). Петраков был также одним из ведущих экспертов в группе экономистов, сформированной под совместным руководством Горбачева и Ельцина и разработавшей план перехода СССР за период в 500 дней от командной экономике к рыночной (Переход к рынку 1990). Горбачев внимательно ознакомился с их докладом и сначала принял его. Что примечательно, в этом 238-страничном документе ни разу не упоминается слово «социализм» (или, если на то пошло, «капитализм»). Это не охладило первоначального энтузиазма Горбачева. Однако затем он изменил свое мнение — в основном реагируя на жесточайшую оппозицию сразу с нескольких сторон — Председателя Совета министров Николая Рыжкова, государственного и партийного аппарата в более общем смысле, и новых советских законодателей. Оппозиция со стороны советского правительства была к тому времени более сильной и весомой, чем исходящая изнутри партийного аппарата.

В течение сентября 1990 года, когда Горбачев пытался найти компромисс между правительственными предложениями по реформе, сформулированными в основном Леонидом Абалкиным, и взглядами Станислава Шаталина, назначенного Горбачевым руководителем рабочей группы, разработавшей программу «500 дней», советского президента «забрасывали докладами и анализами с предсказаниями полного экономического хаоса и дезинтеграции, массовой безработицы и гиперинфляции в случае принятия более радикального плана» (Палажченко 1997, стр. 216—17). Горбачев был к тому времени убежден, что СССР должен двигаться, по сути, к рыночной экономике — его

волновали вопросы, как к ней прийти, какими темпами и какого типа должна быть эта рыночная экономика. Ельцин не читал доклад Шаталина и других экономистов о том, как СССР может быстро построить рыночную экономику, однако, полагаясь на свои политические инстинкты, безоговорочно принял его. Программа «500 дней» была нереалистична в своем оптимизме, однако Ельцин потеснил Горбачева в симпатиях либеральной интеллигенции, продолжая ее поддерживать. Как отмечал позже Евгений Ясин, значение доклада было больше политическим, нежели экономическим. «Самым важным был смелый, вызывающий полемику лозунг», — отмечал Ясин. Эту смелую (и нереальную) идею совершить переход к рынку за 500 дней мгновенно взял в свой арсенал Ельцин. По словам Ясина, «Горбачев оказался под сильным давлением» (отвергнуть программу), «которому он не мог сопротивляться», при этом Ельцин не огорчился тому, что их временный союз с Горбачевым расстроился. Напротив, он «четко увидел новые политические возможности в том, что Горбачева обвинят в неудаче их совместной программы» (Ясин 1998, стр. 235—37).

Горбачев пытался подобрать социал-демократическую концепцию рынка — но никак не мог найти тезисов с теоретическим обоснованием или политических сторонников, готовых ее пропагандировать. На протяжении всего периода перестройки, сталкиваясь с огромным давлением с разных сторон и противоречивыми советами в сфере экономики, Горбачев не сумел выработать, тем более реализовать, согласованную и последовательную экономическую политику. К 1990 году он начал выступать за «регулируемую рыночную экономику», за что был осмеян (отнюдь не наделенными даром предвидения) либералами: Что это за рыночная экономика, если она будет «регулируемой»? — потешались они. При этом Горбачев получал гораздо меньше интеллектуальной поддержки, чем ему пригодилось бы, в формулировании позиции, отличной от той, что, с одной стороны, характеризовала сторонников сохранения доминирования государства в экономике, и той, что с другой

стоны, навязывалась людьми, идеологически нацеленными на скорейший переход к «дикому» капитализму (Хедлунд 1999, стр. 113—19).

В течение более четырех лет за экономическую политику в СССР отвечал в основном Рыжков — в силу своей должности председателя Совета министров. Лишь в 1990 году Горбачев стал ставить под сомнение его полномочия. В советской системе дублирования исполнительной власти за председателем Совета министров была традиционно закреплена основная ответственности за экономическую политику, в то время как в системе политической иерархии Генеральный секретарь Центрального Комитета, безусловно, занимал более высокое положение. С марта 1990 года процесс передачи политической власти от партии к государственным институтам вышел на новый уровень с учреждением поста президента в исполнительной власти, и, имея этот пост, Горбачев также был выше по рангу, чем председатель Совета министров. В течение 1990 года новый помощник Горбачева Петраков помог убедить президента в том, что Рыжков, который всегда мог найти причины для откладывания движения к рыночной экономике, являлся частью проблемы, а не ее решения. К 1990—1991 гг. советская экономика была в отчаянном положении, а Горбачев — в ухудшающейся политической ситуации. Соответственно, к тому времени он начал встревоженно искать экономической помощи у Запада. Однако на протяжении большей части своего пребывания на посту руководителя СССР для Горбачева экономическая реформа была, в лучшем случае, на третьем месте в списке приоритетов — после задачи окончания холодной войны и основной внутренней проблемы — фундаментальной политической реформы. Один из основных доводов в книге покойного Егора Гайдара «Гибель Империи» заключался в том, что все, что делал Горбачев, включая отказ от использования силы в Восточной Европе и уход от массовых репрессий внутри страны с тем, чтобы удержать под контролем недовольные народы, было частью отчаянной попытки получить «политически мотивированные кредиты, которые, по

крайней мере, отложили бы надвигающееся банкротство государства» (Гайдар 2007, стр. 175). На самом деле, тезис Гайдара не только неверен, но и основан на ложной посылке. На протяжении большего периода своего пребывания в Кремле Горбачев был вовсе не настолько одержим состоянием советской экономики, как ему следовало бы, по мнению многих экономистов. Он сам впоследствии признавал, что отсутствие постоянного внимания к экономическим проблемам вредило его руководству и перестройке как проекту преобразований. В статье, написанной 25 лет спустя после принятия руководства в Кремле, Горбачев заметил: «В пылу политических баталий мы упустили экономические вопросы, и люди не простили нам дефицит на потребительском рынке, очереди за товарами первой необходимости» (Горбачев 2010b).

Вызов пяти трансформаций (или искусство невозможного)

Горбачева не привлекал тот тип экономической системы, за который ратовали Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер, — он все больше ориентировался на вариант, поддерживаемый западноевропейскими социал-демократами и демонстрируемый на примере Западной Германии (принятый как социал-демократами, так и христианскими демократами) — «социальная рыночная экономика». Николай Шмелёв удачно подметил, что в экономике цель Горбачева и схожих с ним по мыслям людей в советском руководстве периода перестройки «была более-менее ясна, хотя неконкретна (что-то вроде российского варианта «социальной рыночной экономики»)» (Шмелёв 2005, стр. 205). Проблема, однако, заключалась в том, что «ни у кого не было четкого видения путей и этапов достижения этой цели, их приоритетности и последовательности» (Шмелёв 2005, стр. 205). Однако трудно себе представить политика с более перегруженной повесткой дня в политике, чем Горбачев в период 1985—1991 гг., и идея о том, что он мог бы заранее тщательно спланировать последовательность реформ, может обсуждаться в кабинете профессора, а не в суматохе политической жизни страны, проходящей период

трансформации по пяти направлениям. Со вступлением, на первом этапе, на путь либерализации, а затем демократизации, системы и общества, на поверхность советской политической жизни всплыли сотни проблем, подавляемых долгие годы. Более конкретно, Горбачев столкнулся с необходимостью фундаментальных преобразований в пяти областях, в некоторых из которых положение дел осложняло другие, делая бесконечно малыми шансы успеха по всем пяти направлениям. Эти трансформации, необходимость которых он принял в принципе (хотя некоторые чуть ранее) включали: трансформацию системы международных отношений — окончание холодной войны путем перехода от конфронтации к сотрудничеству (процесс, который в конечном итоге подразумевал мирный выход из орбиты СССР всей Центральной и Восточной Европы, с огромными последствиями, в том числе, для советских военных) и поиск новых решений в сфере международной безопасности; трансформацию политической системы — от коммунистической к некоммунистической, с соответствующей заменой крайне авторитарного режима политическим плюрализмом; трансформацию правовой системы, в том числе замена правового произвола, при котором партийные боссы на всех уровнях обладали неподконтрольной обществу властью, — и конкретно, большей властью, чем судьи, которым они могли давать указания в делах с политической подоплекой, — правовым государством (верховенство права — необходимое, хотя и недостаточное, условие демократии, а также важный компонент для развития рыночной экономики); трансформацию командной экономики в рыночную (того типа, к которому тяготели европейские социал-демократы); трансформацию унитарного государства, хотя с федеральными формами на основе национально-территориального административного деления, в подлинную федерацию на основе нового добровольного Союзного договора.

В международной сфере и в трансформации политической системы достижения Горбачева огромны. Также был достигнут большой прогресс на пути создания правового государства. К

концу 1980-х гг. законы были значить больше, чем мнение или прихоть партийных боссов. Председатель Совета министров Рыжков (который, в силу своей должности, был также, конечно, и старшим членом Политбюро) должен был мириться с тем, что новая законодательная власть в 1989 году не утвердила девять предложенных им на министерские посты кандидатур (Рыжков 1992, стр. 289). Как отмечал Горбачев, после исключения положения о «лидирующей роли» КПСС из 6-й статьи Конституции, вместе с учреждением поста президента СССР и выборов в законодательные органы на союзном, а впоследствии на республиканском, уровне «Политбюро практически утратило свои государственные функции» (Горбачев 1992, стр. 15). Оно могло выдвигать предложения, но больше не обладало исполнительной властью. Три из пяти трансформаций можно, следовательно, считать успехом, хотя, безусловно, в постсоветской России были сохранены не все завоевания.

Напротив, неудача в решении «национального вопроса» привела в конечном итоге к дезинтеграции советского государства, хотя, вероятно, союзное государство с меньшим составом можно было бы сохранить — на основе добровольного договора, если бы Ельцин не разыграл российскую карту против союзного государства таким образом, что это реализовало его собственные амбиции, но едва ли было в долгосрочных национальных интересах России (Браун 2007, стр. 206—10). Тем не менее, тот факт, что СССР распался мирным путем, также стал, своего рода достижением — несомненным, если сравнивать с Югославией.

Неудача была наиболее очевидной в экономической сфере. Она произошла несмотря на постепенное принятие Горбачевым идеи о том, что рынок, а не «план» должен быть основным координирующим механизмом экономической деятельности, и принятие им идеи многообразия форм собственности, в том числе частной и кооперативной. Закон «О кооперации в СССР» 1988 года стал важным шагом в направлении построения экономики со смешанными формами собственности, и двумя

годами позже в руководящих принципах, принятых XXVIII съездом КПСС, явным образом признаются разные формы собственности (КПСС 1990, стр. 3). В своей речи на съезде Горбачев сказал: «...мы рассматриваем рынок не как самоцель, а как средство повышения эффективности экономики, жизненного уровня людей». Рынок в современном его понимании, развил свою мысль Горбачев, «отрицает монополию одной формы собственности, требует их многообразия, экономического и политического равноправия». Поэтому «переход к рынку» означает не отказ от социализма, а движение «к более полной реализации возможностей общества» (КПСС 1990, стр. С1/5). Программный документ, принятый съездом, имел раздел «К регулируемому рынку», в котором говорится также следующее: «Альтернативой изжившей себя административно-командной системе управления народным хозяйством является рыночная экономика». В нем отмечается, что «переход к рынку — не самоцель, а средство решения социальных» и перечисляется ряд задач, в том числе обеспечение перехода к конвертируемости рубля и открытости экономики к мировому рынку (КПСС 1990, стр. 3). Что не было сформулировано — так это практический график перехода от одной экономической системы к другой. Летом того же года экономисты, работавшие над программой «500 дней», представили именно такой же график, хотя он едва ли был реалистичным.

Если в 1990 году еще можно было сомневаться в переходе Горбачева на социал-демократические позиции понимания социализма (хотя этого не должно было быть), содержание нового проекта партийной программы, опубликованного в июле 1991 года стало неоспоримым тому доказательством. Этот документ потерял свою историческую важность после того, как в августе произошла попытка путча, который, в свою очередь, привел к роспуску КПСС, а нее ее разделению, как это планировал Горбачев. Горбачев ожидал, что на внеочередном XXIX съезде КПСС, который должен был быть созван в ноябре 1991 года — и который так и не состоялся, поскольку КПСС не стало — новая партийная

программа даст платформу для разделения партии (Горбачев и Славин 2005, стр. 106). Однако текст этого документа крайне важен в качестве свидетельства тому, насколько далеко вышел Горбачев в своих идеях за рамки сформировавшейся за 70 лет советской коммунистической партийной идеологии. Программа, неофициально опубликованная в июле 1991 года (Проект партийной программы 1991а), была полностью утверждена Горбачевым. Позже он охарактеризовал ее как, по сути, социал-демократическую, и она, как представлялось, хорошо подходила на роль манифеста социал-демократической партии-преемницы КПСС (Горбачев и Славин 2005, стр. 108).

Соответственно, даже в тот период, когда Горбачев был с головой погружен в затяжную тяжелую битву за сохранение «обновленного союза» на основе нового добровольного Союзного договора, он много времени посвящал проработке содержания этой программы. Он действовал в основном в обход официальных партийных структур, оставив в стороне Политбюро, и в разработке социал-демократического документа, призванного подготовить почву для «цивилизованного развода» в рядах КПСС, полагался в основном на Шахназарова и Фролова (Шахназаров 1993, стр. 253—58; Сэндл 1996). В проекте программы говорилось о «преобразовании советского многонационального государства в демократическую федерацию суверенных республик», и признавались принципы многопартийности в политике, разделения власти, перехода к экономической системе со смешанными формами собственности и регулируемой рыночной экономике, верховенства права и работы исключительно «в рамках парламентской демократии». В нем утверждалось, что партия навсегда отказалась от принципа, что цель оправдывает средства (Проект партийной программы 1991а, стр. С1/1—С/7). В своей речи, представляющей проект программы членам Центрального Комитета Горбачев, пошел еще дальше. Он сказал, что предыдущая теоретическая и практическая модель социализма оказалась несостоятельной и, в том, что касается экономики, социализм и рынок были «не только совместимы, но нераздельны

по сути». Он обвинил тех, кто высказывал обеспокоенность «социал-демократизацией КПСС», в «коммунистическом фундаментализме», утверждая, что старые предпосылки для конфронтации с социал-демократами утратили былое значение. Он даже был готов к возможности и принял вероятность того, что КПСС может потерять свою власть. Партия должна ограничиться политическими методами, и, там и где они окажутся безуспешными, «формировать конструктивную оппозицию, поддерживающую разумные меры властей и выступающую против них при необходимости защитить интересы трудящихся» (Горбачев 1991, стр. 2).

В газете «Правда» 8 августа — четыре дня спустя после того, как Горбачев уехал в отпуск в Форос, — была опубликована программа с исправлениями положений, утвержденных Горбачевым и опубликованных двумя неделями ранее в «Независимой газете». Даже при этом она разительно отличалась от партийных программ доперестроечного периода и даже от совсем незадолго до этого опубликованной партийной доктрины 1986 года, однако в ней был смягчен радикализм некоторых положений утвержденного Горбачевым проекта. Например, пункт «последовательное развитие демократических институтов, многопартийность политического представительства интересов всех слоев общества» был заменен формулировкой «соблюдение и защита прав граждан состоять в профессиональных объединениях и различных политических партиях и общественных движениях» (Проекты партийной программы 1991a, 1991b; Сэндл 1996, стр. 1139—40). Если бы КПСС по-прежнему сохраняла свою «лидирующую роль», подобные нюансы имели бы крайне важное значение. Однако они остались незамеченными на фоне реальной политической борьбы, развернувшейся в тот период в советском обществе, а не только в КПСС. В частности, Ельцин использовал свое право принимать указы в качестве президента РФ, издав 20 июля 1991 года указ о прекращении деятельности организационных политических партий в государственных органах, учреждениях и организациях. Указ вступал в силу 14

днями позже. ЦК КПСС выразил протест, однако «Горбачев не предпринял никаких действий для отмены этого указа — позиция, вызвавшая критику членов партии» (Джилл 1994, стр. 162).

Заключение

Философ Вадим Межуев утверждал, что стратегической целью Горбачева при перестройке было построение социал-демократической модели (которую сам автор считал наиболее перспективной для России) (Межуев 2005, стр. 313), а Лилия Шевцова писала, что «Михаил Горбачев оказался социал-демократом, появившимся на сцене слишком рано, — в период, когда условия для социал-демократии в России еще не сформировались» (Шевцова 2005, стр. 345). Другие российские либералы и те, кто на некоторое время стали слепыми поклонниками всего американского, считали иначе. Социал-демократия пришла слишком поздно. В 1960-х гг. еще присутствовал подлинный интерес к социалистической мысли и реформированию советской системы. Этот период мог бы быть дать благоприятную интеллектуальную среду для социал-демократического проекта, чем политический климат 1980-х гг. Дмитрий Фурман утверждал, что «марксизм-ленинизм умер тихой и незаметной смертью где-то в период правления Брежнева». Более того, работая в разных московских институтах среди гуманитариев и обществоведов, он почти не встречал марксистов с начала 1960-х гг. (Фурман 2005, стр. 317, 319). Социал-демократия, однако, не опирается на марксистов или марксизм, и результаты исследований общественного мнения в последние годы существования СССР говорят о том, что в обществе сформировалась достаточно серьезная база поддержки идей многоукладной экономики в сочетании с государством всеобщего благосостояния, а также политической конкуренции и подлинной подотчетности — компонентов социал-демократии в ее обычном понимании (ВЦИОМ 1990; Уайман 1997, стр. 53—88).

Хотя речь Горбачева на пленуме ЦК 25 июля 1991 года, в

которой он рекомендовал свой вариант проекта партийной программы членам Центрального Комитета, была искренней по своему общему духу — в том числе заявление, что «наша партия, безусловно, несет ответственность за то, что не смогла построить барьер деспотизму и позволила использовать себя в качестве орудия тоталитаризма» (Проект партийной программы 1991а, перевод, стр. С1/5) — в ней, и в еще большей степени в самом проекте программы, присутствовал, тем не менее, определенный элемент нереалистичности. Программа была по своему характеру такова, что вряд ли когда-либо могла стать программой действий для КПСС. До ее опубликования Горбачев сам обсуждал с ближайшими советниками вопрос разделения партии, при котором он возглавил ее социал-демократическое крыло и позволил тем, кто не был готов принять идеи социал-демократии (сюда, безусловно, относилось бы большинство партийных бюрократов), сформировать собственную партию. Более того, с другой стороны, было много людей, не возражавших открыто против проекта программы, но не имевших ни малейшего желания допустить ее осуществление. В тот же день, когда одобренный Горбачевым вариант программы появился в «Независимой газете», в газете абсолютно иной политической ориентации был опубликован документ под названием «Слово к народу», подготовленный Александром Прохановым. Он был подписан ведущими фигурами из числа российских националистов, военных высшего звена и не примирившихся с перестройкой коммунистов, и стал в еще большей степени манифестом антиперестроечных и антигорбачевских сил, чем «письмо Нины Андреевой» в 1988 году. Это был громкий идеологический призыв к перевороту, который и произошел месяцем позже. Лето 1991 года было временем углубляющихся расколов и острого политического конфликта. В высших эшелонах партии проявлялось недовольство процессом демократизации, и самые сильные сторонники Горбачева в Центральном Комитете подвергались яростным нападкам консервативного большинства. Горбачев, в свою очередь, оказался между двух огней: с одной стороны, консерваторы и неосталинисты, с другой стороны, — радикальные

демократы и националисты.

Возможно, что со стороны Горбачева было политической ошибкой в 1990 году не подвести КПСС к открытому расколу. Его помощник Шахназаров настоятельно советовал ему в том году сменить название партии на «Социал-Демократическая Партия СССР» и попросить несогласных «не приезжать» на очередной XXVIII съезд КПСС (Шахназаров 1994). Следует признать, что это было бы рискованной стратегией. Это могло бы привести к тому, что высшую власть в партии захватило консервативное большинство в аппарате, которое, при условии укрепления уже существовавшего неформального союза с военными и КГБ, могло бы полностью повернуть вспять все процессы. Мы знаем, что, в конечном итоге, политика заглаживания раскалывающих партию противоречий, используемая Горбачевым, не сработала. Мы никогда не узнаем, не стал бы хуже результат ускорения процесса раскола партии. Когда Александр Яковлев ближе к концу 1990 года вернулся к теме разделения партии, Горбачев попросил его не слишком торопиться, сказав, что раскол произойдет на съезде КПСС в ноябре 1991 года (Грачёв 2001, стр. 228). Съезд так и не состоялся. После неудавшейся попытки путча в августе, усилившего позиции Ельцина, но не государства, КПСС перестала существовать и некому было проводить такой съезд. В любом случае, если бы пришлось брать на себя риск раскола партии, для Горбачева это лучше было бы делать, когда у него еще было относительно много власти. Даже без учета путча консервативных сторонников жесткого курса, в 1991 году было слишком поздно.

Вспоминая об этом сегодня, Горбачев сам считает промедление с разделением партии ошибкой, равно как и то, что не провел прямые президентские выборы (в противовес непрямым выборам народными депутатами) в марте 1990 года (Горбачев 2006, стр. 373—74). В своей последней книге Горбачев отмечает консерватизм Политбюро и, в целом, высших эшелонов партии. Это было основной причиной тому, что «мы опоздали с преобразованием КПСС в демократическую партию современного типа» (Горбачев 2012, стр. 602-3). Дилемма, стоящая перед

Горбачевым, заключалась также, по его словам, в том, что СССР был партийным государством, и ослабление партии имело последствием ослабление государства. Он отмечает, что Августовский путч положил конец плану по разделению партии, равно как и Союзному договору (Горбачев 2006, стр. 373—74). Для Горбачева оптимальным временем для разделения партии и более открытого позиционирования в качестве социал-демократа был, по всей вероятности, период президентских выборов в марте 1990 года. Если бы это было всеобщее голосование, а не выборы Съездом народных депутатов, это предоставило бы возможность для разделения. На самом деле, это либо спровоцировало бы раскол, независимо от намерений партийного лидера, либо могло бы заставить путчистов выступить раньше. Партийный аппарат в любом случае отчетливее бы видел, как власть ускользает из его рук. Однако если бы выборы состоялись, Горбачев выиграл бы от того, что стал бы первым в российской истории руководителем, добровольно предоставившим народу в целом право решать, может ли он сохранить власть, прилагаемую к тому высочайшему в стране посту, который у него уже и так был. На тот момент это были тактические, а не принципиальные решения, поскольку Горбачев планировал возглавить партию социал-демократической ориентации, а Закон «Об учреждении поста Президента СССР» предусматривал в будущем проведение выборов всеобщим голосованием. Это, однако, были тактические решения с роковыми последствиями.

Каким мог бы быть итог при принятии в свое время других решений можно только гадать. Ничего определенного в такой истории предположений нет. Однако можно ответить утвердительно на вопрос, верно ли, что Горбачев на посту Генерального секретаря перестал быть коммунистом и стал социал-демократом. Хотя в его публичных высказываниях наблюдаются метания, обусловленные давлением момента, из записей бесед с ближайшими помощниками, а также западноевропейскими социал-демократами, становится ясно, в чем заключались его намерения. Что важно, это, видно, и со временем

все более четко, и из его публичных заявлений. Многие внутри страны и за рубежом трактовали его неизменную ориентацию на «социализм» как факт, что он не изменил своих основных убеждений. Ничто не могло быть дальше от истины, поскольку коммунистические и социал-демократические концепции социализма — разного рода. Горбачев был политиком широких взглядов, всегда интересовавшимся идеями. На протяжении эволюции его идей он достаточно долго обладал достаточной институциональной властью, чтобы радикально менять политическую систему СССР, его понятийную базу и отношения с внешним миром. В конечном итоге, сталкиваясь с недостатком понимания, эволюционирующие убеждения Горбачева не прижились в стране, где традиция социал-демократии в западноевропейском смысле отсутствовала. Его идеи и устремления оказались «обойдены по флангам» рыночным фундаментализмом и политическим нетерпением его радикальных оппонентов и подорваны непримиримой враждебностью консервативных защитников уходящего в прошлое коммунистического партийного государства.

Колледж Святого Антония Оксфордского университета

Список литературы

Андреева Н. (1988). Не могу поступиться принципами. «Советская Россия», 13 марта.

Берман С. (Berman, S.) (2006). Примат политики: Социал-демократия и картина XX века в Европе (The Primacy of Politics: Social Democracy and the Making of Europe's Twentieth Century) (Кембридж, Cambridge University Press).

Биллингтон Дж. Х. (Billington, J. H.). (2005). Интервью Директора Библиотеки Конгресса США Джеймса Х. Биллингтона журналу «Нью Юроп Ревью» (New Europe Review Interview with Librarian of Congress James H. Billington). Перепечатка в Johnson's Russia List, № 9063, 28 февраля.

Браун А. (Brown, A.) (1996) Фактор Горбачева (The Gorbachev Factor) (Оксфорд, Oxford University Press).

Браун А. (2002). Введение в Горбачев М. С. и Млынарж З. (2002), стр. xii—xxiii.

Браун А. (2007). Семь лет, которые изменили мир: Взгляд на перестройку (Seven Years that Changed the World: Perestroika in Perspective). (Oxford, Oxford University Press).

Браун А. (2009). Взлет и падение коммунизма (The Rise and Fall of Communism). (Лондон, Bodley Head).

Браун А. (2010) «Перестройка как революция сверху» ('Perestroika as Revolution from Above') в Fortescue, S. (ред.) (2010) Российская политика от Ленина до Путина (Russian Politics from Lenin to Putin) (Houndmills, Palgrave, St Antony's College series), стр. 127—51.

Брутенц К. Н. Тридцать лет на Старой площади. Мемуары. М. Международные отношения. 1998 г.

Черняев А. С. (2008). Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972—1991 годы (Москва, Росспен). Черняев А. С., Вебер А. Б. и Медведев В. А. (2008). В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985—1991) (1985—1991) (2-е изд.). (Москва, Горбачев Фонд).

Колтон Т. Дж. (Colton, T. J.) (2008) Ельцин: Жизнь (Yeltsin: A Life)

(Нью-Йорк, Basic Books).

КПСС (1990) «Политический доклад XXVIII съезду КПСС, 2 июля 1990 г.». База сводок мировых новостей «Би-Би-Си» BBC Summary of World Broadcasts (полный текст советского ТВ) SU/0807, 4 июля, стр. C1/1—C1/18.

Проект партийной программы (1991a) «Социализм, демократия, прогресс», «Независимая газета», 23 июля 1991. Перевод в Базе сводок мировых новостей «Би-Би-Си» BBC Summary of World Broadcasts. 26 июля 1991 г., Проект программы КПСС, SU/1134, стр. C1/1—C1/7.

Проект партийной программы (1991b) «Социализм, демократия, прогресс», «Правда», 8 августа. Перевод в Базе сводок мировых новостей «Би-Би-Си» BBC Summary of World Broadcasts, 9 августа 1991 г., SU/1146, стр. C1/1—C1/7.

Фурман Д. (2005). «Перестройка глазами московского гуманитария» в Кувалдин В. Б. и Вебер А. Б. (ред.) (2005), стр. 317—33.

Гайдар Е. (2007). Гибель Империи: Уроки для современной России (Вашингтон, Brookings Institution Press).

Галкин А. А. (2005). «Mesto перестройки в истории России» в Кувалдин В. Б. и Вебер А. Б. (ред.) (2005), стр. 66—87.

Джилл Г. (Gill, G.) (1994). Крушение однопартийной системы: Распад КПСС (The Collapse of a Single-Party System: The Disintegration of the CPSU) (Кембридж, Cambridge University Press).

Горбачев М. С. Живое творчество народа. М. Политиздат. 1984 г.

Горбачев М. С. (1986a) «Ответы на вопросы газеты «Юманите» [L'Humanite] 4 февраля 1986 года» в Горбачев М. С. (1987—1990), том 3, стр. 154—70

Горбачев М. С. (1986b). Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля 1986 года» в Горбачев М. С. (1987—1990), том 3, стр. 180—280.

Горбачев М. С. (1987a). О Перестройке и кадровой политике партии. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 27 января 1987 года в Горбачев М. С. (1987—1990), том 4, стр. 299—354.

Горбачев М. С. (1987b). «Практическими делами углублять перестройку». «Правда», 15 июля стр. 1—2. Горбачев М. С. (1987—1990). Избранные речи и статьи (в 7 томах). (Москва, Политиздат).

Горбачев М. С. (1989) «Социалистическая идея и революционная

перестройка». «Правда», 26 ноября, стр. 1—3.

Горбачев М. С. (1990) «Политический отчет XXVIII съезду КПСС 2 июля 1990 г.», База сводок мировых новостей «Би-Би-Си» BBC Summary of World Broadcasts (полный текст советского ТВ) SU/0807, 4 июля, стр. C1/1—C1/18.

Горбачев М. С. (1991) «О проекте новой Программы КПСС. Доклад М. С. Горбачева на Пленуме ЦК КПСС 24 июля 1991 г.», «Правда», 26 июля, стр. 1—2.

Горбачев М. С. (1992) «Делает ли человек политику? Делает ли человек историю?». «Свободная мысль», 17, стр. 17—21.

Горбачев М. С. (1995). Жизнь и реформы (в 2 томах). (Москва, Новости).

Горбачев М. С. (2006). Понять перестройку...: Почему это важно сейчас. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. Горбачев М. С. (2010а). Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед М. С. Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам (Москва, Весь мир).

Горбачев М. С. (2010b) «Потерянная перестройка» ('Perestroika Lost'), «Нью-Йорк Таймз» (New York Times), 13 марта. Горбачев М. С. (2012). Наедине с собой (Москва, Грин Стрит).

Горбачев М. С. и Брандт В. (1992) «М. С. Горбачев— В. Брандт», «Свободная мысль», 17, стр. 22—9. Горбачев М. С. и Млынарж З. (2002). Беседы с Горбачевым: О перестройке, Пражской весне и о перекрестках социализма (Conversations with Gorbachev: On Perestroika, the Prague Spring, and the Crossroads of Socialism) (Нью-Йорк, Columbia University Press).

Горбачев М. С. и Славин Б. Ф. (2005) Неоконченная история. Три цвета времени. Беседы М. С. Горбачева с политологом Б.Ф. Славиным. – Изд.2-е, доп. – М.: Международные отношения.-2005.

Горбачев М. С. и Тэтчер М. (1987) Запись беседы М. С. Горбачева с премьер министром Великобритании М. Тэтчер, 7 декабря 1987 года (Москва, Архив Горбачев Фонда).

Грачёв А. С. (1994). Кремлевская хроника (Москва, Эксмо).

Грачёв А. С. (2001). Горбачев (Москва, Вагриус).

Хан Дж. М. (Hahn, G. M.) (2002). Российская революция сверху 1985—2000 гг.: Реформа, переход и революция в падении

советского коммунистического режима (Russia's Revolution from Above 1985–2000: Reform, Transition, and Revolution in the Fall of the Soviet Communist Regime) (Нью-Брансуик, Transaction Publishers).

Хедлунд С. (Hedlund, S.) (1999). Российская «рыночная» экономика: Плохой пример хищнического капитализма (Russia's 'Market' Economy: A Bad Case of Predatory Capitalism) (Лондон, UCL Press). КПСС (1988) XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза: 28 июня — 1 июля 1988 г. Стенографический отчет (в 2 томах). (Москва, Политиздат).

КПСС (1990) «К гуманному, демократическому социализму (Программное заявление XXVIII съезда КПСС)». «Правда», 15 июля стр. 1, 3.

Кувалдин В. Б. и Вебер А. Б. (ред.) (2005). Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ). (Москва, Альпина).

Лигачев Е. (1993). Внутри горбачевского Кремля: Мемуары Егора Лигачева (Inside Gorbachev's Kremlin: The Memoirs of Yegor Ligachev) (Нью-Йорк, Pantheon Books).

Мэтлок Дж. Ф. (Matlock, J. F.) (1995). Смерть Империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза (Autopsy on an Empire: The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union) (Нью-Йорк, Random House).

Медведев В. А. (1994). В команде Горбачева: взгляд изнутри. М.: Былина, 1994.

Медведев В. А. (2005). «У перестройки был свой шанс» в Кувалдин В. Б. и Вебер А. Б. (ред.), (2005), стр. 8—23.

Межуев В. М. (2005) «Перестройка, как она видится сегодня» в Кувалдин В. Б. и Вебер А. Б. (ред.) (2005), стр. 309—316.

Млынарж З. (1985). 'Il mio compagno di studi Mikhail Gorbaciov', L'Unita', 9 апреля.

Палажченко П. (1997). Мои годы с Горбачевым и Шеварднадзе: Мемуары советского переводчика (My Years with Gorbachev and Shevardnadze: The Memoir of a Soviet Interpreter). (University Park, PA, Pennsylvania State University Press).

Переход к рынку (1990) Переход к рынку: Часть 1. Концепция и программа (Москва, Архангельское). Рыжков Н. И. (1992). Перестройка: История предательств (Москва, Новости).

Сэндл М. (Sandle, M.) (1996). «Последнее слово: Проект программы КПСС июля/августа 1991 года» (The Final Word: The Draft Party Programme of July/August 1991'). «Европейско-Азиатские Исследования» (Europe-Asia Studies), 48, 7, стр. 1131—50.

Шахназаров Г. Х. (1988). В кабинете у Горбачева на Старой площади, июнь 1988 года (Запись Шахназарова) (Москва, Архив Горбачев Фонда).

Шахназаров Г. Х. (1991). «Интервью с Шахназаровым», Стенограммы интервью о второй российской революции (Second Russian Revolution Interview Transcripts) (Лондон, Британская библиотека политико-экономических наук, Лондонская школа экономики).

Шахназаров Г. Х. (1993). Цена свободы: Реформация Горбачева глазами его помощника (Москва, Россия Зевс).

Шахназаров Г. Х. (1994) «Интервью Е. И. Еузнецова», «Демократизация», 2, 2, стр. 228—33.

Шеварднадзе Э. А. (1991). Будущее принадлежит свободе (The Future Belongs to Freedom) (Лондон, Sinclair-Stevenson).

Шеварднадзе, Е. А. (2009). Когда рухнул железный занавес: встречи и воспоминания (Москва, Европа).

Шевцова Л. Ф. (2005). «Двадцать лет спустя. . . » в Кувалдин В. Б. и Вебер А. Б. (ред.) (2005), стр. 344—51.

Шмелёв Н. П. (2005) «Кровь» — это не обязательно» в Кувалдин В. Б. и Вебер А. Б. (ред.) (2005), стр. 199—212.

Славин Б. Ф. (2005) «Перестройка в зеркале современных интерпретаций» в Кувалдин В. Б. и Вебер А. Б. (ред.) (2005), стр. 132—53.

Вебер А. Б. (2005) «Перестройка и международная социал-демократия» в Кувалдин В. Б. и Вебер А. Б. (ред.) (2005), стр. 111—31.

ВЦИОМ (1990). Общественное мнение в цифрах, 4, 11, февраль.

Уайман М. (Wyman, M.) (1997). Общественное мнение в посткоммунистической России (Public Opinion in Postcommunist Russia) (Houndmills, Macmillan, University of Birmingham Centre for Birmingham Centre for Russian and East European Studies Series).

Яковлев А. Н. (2003). Сумерки (Москва, Материк).

Яковлев А. Н. (2008). Документы, неизданное, малоизвестное, забытое. (Москва, Международный Фонд).

Ясин Е. (1998). «Парад программ преобразования рынка» ('The Parade of Market Transformation Programs') в Ellman, M. & Kontorovich, V. (ред.)

Разрушение советской экономической системы: Взгляд изнутри (The Destruction of the Soviet Economic System: An Insiders' History) (Armonk, NY, M.E. Sharpe), стр. 228— 37.